

Зрители. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Зрители. Максим Горький

Июльский день начался очень интересно-хоронили генерала. Ослепительно сияя, гудели медные трубы военного оркестра, маленький ловкий солдатик, скосив в сторону зрителей кокетливые глаза, чудесно играл на корнет-а-пистоне, и под синим безоблачным небом похоронный марш звучал, точно гимн солнцу.

Гроб, покрытый венками, везли огромные вороные лошади, они били копытами по булыжнику мостовой, почти в такт гулким вздохам большого барабана. Медленно шагали солдаты, в белых рубахах, в ярко начищенных сапогах, новенькие, точно вчера сделанные для этих похорон; над их темными лицами сверкали лучи штыков. Раскаленная солнцем, горела позолоченная медь пуговиц на мундирах офицерства, ордена на выпуклых грудях – точно цветы. За стройною массой белых солдат густо текла пестрая толпа горожан, кисейное облако пыли колебалось в воздухе, и всё было покрыто медным пением светлых труб.

Обыватели Прядыльной улицы высунулись в окна, выскочили за ворота, повисли на заборах, жадно любясь великолепным отъездом генерала в жизнь бесконечную. Они наслаждались даровым зрелищем в том настроении, которое всегда и невольно внушает наблюдающему за ними невеселую мысль о том, что все события мира совершаются для удовольствия бездельников.

Всё шло прекрасно, стройно и торжественно, вполне соответствуя праздничному ликованию июльского дня, и хотя хоронили человека, но в Прядыльной улице смерть была слишком привычным явлением, она не возбуждала ни грусти, ни страха, ни философических размышлений; бедные похороны не являлись зрелищем увлекательным, а только углубляли скуку жизни, эти же, генеральские, подняли на ноги всех людей, от подвалов до чердаков.

Всё шло прекрасно, но – вдруг откуда-то выскочил дико растрепанный дурачок Игоша Смерть в Кармане, его растрепанная фигура испугала рыжую монументальную лошадь жандарма, – лошадь метнулась в сторону, опрокинула даму в лиловом платье и, наступив железным копытом на ногу сироты Ключарева, раздавила ему пальцы.

Суматоха развеселила зрителей, особенно смешно было видеть, как лиловая дама, солидного купеческого сложения, шлепнулась в пыль, навзничь, и, запутавшись в пышных юбках, повизгивая, безуспешно пытается встать, дергала толстыми ногами. Она, видимо, сильно испугалась и ушиблась, ее большое лицо побелело, глаза болезненно выкатились. Конечно, смех зрителей был неуместен, жесток, но – уж так издревле ведется – смешон упавший ближний людям, для которых весь мир – только зрелище.

Но смех умолк, когда увидали, что сирота Ключарев ползет к забору, волоча за собою раздавленную ногу, а из нее в серенькую пыль улицы течет ручей ярко-алой крови.

Кровь имеет свойство привлекать особенно напряженное внимание вечных зрителей, они всегда смотрят на нее особенным, молчаливо-жадным взглядом это у них тоже древнее пристрастие.

И вот, позабыв об усопшем генерале, о купчихе, поверженной во прах улицы, зрители живо сгрудились тесным кругом около сироты, прижавшегося к забору, и, глядя, как он истекает кровью, как адова боль в раздавленных костях искажает его маленькое, посиневшее лицо, они спрашивали его:

– Больно, Коська?

Морщась, то подгибая, то вытягивая изуродованную ногу, мальчик бормочет:

– Ух... Вот те – и раз! Вот и пошел на богомолье...

Он храбрился, перемогаясь, а зрители предвещали ему:

– Задаст тебе Гуськов...

Зрители. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Ах ты, розиня чёртова! Чего тебе хозяин сделает за это, а?

И кто-то замечательно разумно сказал:

- Брось перед ним в пыль копейку, сразу увидит, а лошадь - не видал, прохвост!

Мальчик обиженно возразил:

- Я - видел, да я упал, она ведь меня в живот лягнула...

Его окружили мальчишки, внимательно разглядывая окровавленную ногу; один из них - худенький, с голубыми глазами - кошачьим движением ноги забрасывал пылью темные влажные пятна крови. Стараясь спрятать кровь, он робко оглядывался, точно ожидал, что его побьют за это. Его товарищи хвастливо вспоминали о своих ранах - о порезах, ссадинах, ушибах и других молодецких увечьях, которые они получили в играх, драках и от внимания старших.

Сердобольные люди советовали Ключареву:

- Присыпь землей ногу!

- Надо паутиной, а не землей.

- Паутина - это от пореза.

Подошел хозяин сироты, переплетчик Гуськов, прозванный Биллиардмастером, человек небрежно и наскоро сшитый из неуклюжих костей и старой вытертой кожи, лысый, с прищуренными в даль глазами на пестром от веснушек лице, словно мухами засиженном.

- Так, - сказал он, спрятав руки за спину, и глядя в забор над головою ученика. - Я тебя, сукин сын, куда послал? Я тебя за кожей послал али нет?

- Дяденька, - со слезами воскликнул Коська, прикрывая руками голову.

Кто-то посоветовал переплетчику:

- Ты с него и сними кожу-то!

Но другой зритель: заметил:

- Не годится, тонка!

- Ну, что ж мне теперь делать с тобой? - вслух соображал Гуськов, задумчиво растирая волосатой рукой веснушки на щеке. - На что ты мне без ноги?

- Дяденька! - слезно взмолился сирота. - Я завтра выздоровлею...

- Давай деньги!

Коська извлек из кармана штанов смятую зеленую бумажку.

- Жевал ты ее, дьяволенок? - спросил переплетчик, расправляя бумажку, покачнулся, вонзил свое длинное тело в толпу зрителей и исчез.

Старушка Смурыгина, моя квартирная хозяйка, торговка семечками и пряниками, громко вздохнула:

- Вот они, хозяева-то!

Трусов, скорняк, человек серьезный и благочестивый, оборвал ее.

- А ты - помалкивай, старая халява.

Буян, пес Трусова, такой же солидный, как его хозяин, понюхал окровавленную ногу мальчика, поднял свой толстый хвост, оскалив зубы, задумался.

- Гляди, не цапнул бы он! - предупредил некий зритель толпу.

- Пшел!

Пса прогнали. Похоронная процессия уплыла за угол улицы, оттуда доносилась сухая дробь барабанов. Пыль улеглась. Кругленькое личико ребенка было измазано кровью, мокрые от слез, вылинявшие от боли глаза его уныло смотрели на изуродованную ногу, он трогал пальцами руки раздавленные косточки и, вздрагивая, шмыгал носом.

- В четверг, - бормотал он, - я бы на богомолье ушел, на Баранов ключ... Отпускал хозяин-то... Ах ты, господи...

- Завязать бы надо ногу-то, - посоветовала старушка Смурьгина и ушла.

Сирота, цапаясь за доски забора, попробовал встать на ноги, но, вскрикнув и схватившись за живот, упал.

- Ишь как! - сочувственно заметил один из толпы, а мальчик выл:

- Что я буду делать?

- Хромать будешь, - утешили его.

Становилось скучно. Первыми разбежались мальчишки, потом, один за другим, разошлись взрослые зрители, улица опустела, оголилась - Ключарев остался у забора один, маленькой кучкой пыльного тряпья.

На мостовую слетелись воробьи, голуби, со дворов вышли, кудахтая, наседки и важные петухи, в домах застучали молотки жестяников, забарабанили тонкие палочки скорняков, сапожник Дрягин, солдат на деревянной ноге, угрожающим басом запел единственную песню, знакомую ему:

В семьдесят семом году

Объявил турок войну

На Россиюшку на всю,

На матушку на Москву...

Скука стала гуще, тяжелее.

Я наблюдал и слушал всё это из окна подвала, из темной норы, где жила старушка Смурьгина. Утром, накануне этого дня, работая на пристани, я упал в трюм, вывихнул себе правую руку и разбил колено. Всю ночь не спал от боли, а теперь, сидя на подоконнике, смотрел на похороны, на зрителей и на сироту Ключарева - он лежал на другой стороне улицы, как раз против моего окна.

Когда зрители разошлись, я крикнул ему:

- Костя, ползи сюда!

Он сумрачно оглянулся, увидел мою голову над землей и, сморщившись, ответил:

- Больно - смерть как!

- Не можешь?

Он наклонился вперед и, упираясь руками в землю, попробовал ползти, но тотчас со стоном свалился на бок. Поплакал минуту, потом сказал, размазав слезы по лицу:

- Живот она мне... В больницу бы меня...

- Городового нет на углу?

- Городовой на кладбище ушел...

Он замолчал, подергиваясь.

Зрители. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Чьи-то толстые ноги в рыжих истоптанных сапогах поравнялись с моим окном, я крикнул:

- Эй!

Ноги остановились, ко мне молча наклонилось большое лицо в бороде из овчины.

- Мальчонка-то в больницу надо свезти.

- Ну? Вези!

- Не могу, сам болен.

- А я не с этой улицы...

Человек влажно закашлялся и ушел. Следующий обыватель отнесся к моему предложению несколько иначе - он подошел к мальчику и напутственно сказал:

- Добаловался, подлец? Тебя не в больницу надо, а в пруд, куда дохлых кошек кидают.

И, в сознании исполненного долга, не торопясь, исчез.

Было уже около полудня, июльская жара сгущалась; под прямыми лучами солнца трещал тес крыш, воробьи и голуби прятались в тень, а мальчик лежал на солнечной стороне на припеке и, ярко облитый зноем, становился всё серее. Вытянув раздавленную ногу, подогнув здоровую, он плотно прижался к забору, перекладывал голову с ладони на ладонь и бормотал, как в бреду.

- Ты что, Костя?

- Так.

Но, помолчав, жалобно сказал:

- Когда Мишке Третьему кирпичом разбило палец на ноге, так он уж через день ходил. На пятке, а - ходил все-таки...

- И ты пойдешь...

Раза два он попробовал подняться, его маленькие пальчики втыкались в щели забора, но руки бессильно падали. Мне казалось, что я вижу, как распухает его нога, - вся ступня у него какая-то рыжая, точно кусок ржавого железа.

Он попросил пить, но улица была пустынна, даже дети куда-то попрятались от жары. Со дворов, из окон непрерывно истекал скучный, слишком знакомый шум трудового дня. Редкие прохожие солнечной стороны не обращали внимания на мальчика, думая, видимо, что он спит; к моим окрикам они относились равнодушно, считая их озорством бездельника. Те, которые шли моей стороной, тоже не внимали мне - большинство, очевидно, было "не с этой улицы", а остальные - слишком заняты своими делами. А мальчик всё жарился на солнце.

Мне тоже было не очень хорошо, мучила боль в плече и колене, и невыразимо терзало сознание бессилия. Так странно: в пятнадцати шагах от меня лежит человек, нуждаясь в немедленной помощи, мимо него ходят подобные ему и - не хотят помочь. Не хотят...

Несколько сотен людей живет в улице, все дома тесно набиты ими, над моей головой неумолчно возятся переплетчики, вся улица предо мною засорена признаками обилия людей. А я чувствую себя в пустыне и, несмотря на душную жару, в сердце у меня злой, раздражающий холод.

Маленький замызганный солдатик с медной кастрюлей в руке остановился около Ключарева, подробно расспросил его - что с ним случилось, сколько лет мальчику, кто и где его родители, посоветовал приложить к ноге лист лопуха и ушел, обещая мне:

- я бутаря пришлю - он расстарается, это его дело!

Но, должно быть, он не нашел бутаря, а солнце накаливало улицу всё сильнее, мальчик лежал неподвижно и тихонько стонал.

Тощий боровок остановился у моего окна, похрюкал и, точно получив от меня спешное поручение, убежал, встряхивая ушами, повизгивая.

Проехал водовоз, расплескивая воду из бочки, покрытой мокрым мешком, я попросил его дать мальчику воды, но он ни слова не ответил, сидя на бочке деревянным идолом.

Тогда я сердито, не щадя голоса, стал звать на помощь – это подействовало, за ворота выбежали люди, спрашивая друг друга:

– Кто орет? Где это?

Перед моим окном присел молодой скорняк с папиросой в зубах.

– Ты чего орешь?

Я объяснил, а он, выслушав меня, сообщил публике:

– Это Смурьгиной постоялец, крючник, видно – пьяный, лается: чего, говорит, мальчишку не свезете в больницу!

– А ему какое дело?

– Пьяный...

Сначала они говорили добродушно, но узнав причину крика рассердились. Скорняк развеселил их, он незаметно для меня подошел сбоку и высыпал мне на голову пригоршню пыли, это очень рассмешило зрителей.

Сдержав желание изругать их, я начал убедительно доказывать, что нельзя бросать людей на улице, как собак, и что каждый человек, даже маленький, заслуживает сострадания.

– Верно говорит! – согласился со мной некто невидимый.

– Верно? Так сам бы и сбегал за полицией.

– Больной он, видишь ты!

– Больной, а – орет!

– В сам-деле, надо убрать мальчонка, а то придет полиция, потащит нас в свидетели...

– Против лошади – какой же свидетель?

– Тут – жандар!

– И против жандара – не полагается...

Я мотал головой, стряхивая пыль, и вдруг меня мягко ушибла струя холодной воды – это скорняк, увлеченный успехом шутки своей, вылил на голову мне целое ведро. Снова грянул смех.

– Ловко-о!

– Смотрите, как осердился!

– Ой, батюшки...

Я крепко обругал веселых зрителей, это не обидело их, а кто-то примирительно заметил:

– Чего твякаешь? Тебя не помоями облили, а чистой водой...

Это меня не утешило, ругаясь, я продолжал убеждать их:

- Черти клетчатые – ведь вы же понимаете, что мальчонку надо в больницу свезти? Ведь антонов огонь может прикинуться!

Мне возражали:

- Ну – понимаем! А ты что за начальство? Морда!

И снова кто-то, незаметно подкравшись, высыпал на мою мокрую голову горсть пыли, и снова все смеялись весело, как дети, притопывая, всплескивая руками, а я сполз с подоконника и свалился на койку, чувствуя себя раздавленным шутками.

За окном говорили, успокаиваясь:

- Горяч больно!

- Из пожарной бы кишки полить его...

- Кто бы свел мальчонку в участок?

- В аптеку?

- И то! Положить на крыльце, а уж аптекарь распорядится.

- Эй, Коська, вставай! Можешь идти?

- Обмер...

- Надо нести его.

- Это тебе, Саша, надо!

- Отчего – мне?

- Там кабак рядом...

Засмеялись.

- Ну, ладно, я снесу, – согласился Саша и заговорил ласково:

- Эх ты, кусок... Ну, ничего, не пищи! То-то вот, – озоруете вы, материны дети, а я возись с вами ни за что ни про что...

Словно он каждый день таскал в аптеки изуродованных мальчиков.

Зрители разошлись, и снова на улице стало тихо, точно "а дне глубокого оврага.

Воскресный вечер. Красноватые отсветы блестят на стеклах окон единственного дома, видного мне из подвала. Дом – в два окна, старенький, осевший к земле, он похож на нищего, который утомленно присел между двух растрепанных заборов. На лице его застыло сердитое уныние.

По улице бегают дети, поднимая облака розоватой пыли; где-то близко играют на гармонике, рычит пьяный ломовой извозчик, костлявый великан, по прозвищу Сушеный Бык.

Примостившись на подоконнике, я слушаю чью-то ленивую речь:

- От запоя молятся ему потому, что он сам пьяница был...

- Ну-у, – недоверчиво тянет другой голос, – это не резон для святости; эдак-то у нас половина улицы святых...

Первый голос сердито прерывает невера:

- А ты – слушай! Идет он, пьяненький, рано утречком домой, а солдаты христианам

головы рубят...

- Чьи солдаты?
- Ихние...

Голоса звучат тягуче, в каждом слове чувствуется клейкая русская ленца. И солнце заходит лениво, как будто ему известно, что завтра оно будет светить тем же людям, услышит те же речи.

Маленькая девочка идет мимо моего окна и, отирая слезы, шепчет громко:

- Ведьма... погоди!
- Рубят, значит. Поглядел Вонифантий, поглядел, а был он доброй души человек, хотя и богач...
- Что ж, и между богачами добряки есть, примерно - Троеруков, Петр Иванов...

Какая-то женщина просит:

- А ты не перебива-ай!
- Я - к слову.
- Да. Поглядел, да и говорит: "Ах вы, говорит, такой-сякой народ! За что вы этих избиваете насмерть? Я, говорит, сам во Христа верую!" Тут его сейчас схватили и - р-раз! - тоже голову напрочь. А он преспокойно взял ее за волосья, положил под мышку себе и пошел по улице и пошел!
- Т-та? Пошел?..
- Так и в житии написано?
- А то сам, что ли, я придумал!
- Н-да! Эдак - не выдумать. Ах ты, боже мой! Поглядеть бы раз в жизни на эдакое чудо, а то - живешь, живешь...

Рассказчик продолжает:

- Тут солдаты эти и все зрители, испугавшись до смерти, бросились бежать кто куда и тоже уверовали!..
- Уверуешь!
- А он идет и поет - Христос воскрес!
- В нашу бы пору что-нибудь эдакое...
- Наша пора - что? Слава те господи! А тогда - чихнул не так - башку долой! Строгость была.
- Человек - нипочем, дешевле дров...
- Дай-кось покурить...

Замолчали. Над криками детей грянул бас Сушеного Быка:

- И я те дам пудовку в маковку!

За моим окном снова начинается беседа; знатока римской жизни спрашивают:

- А как тогда - богаче жили люди?
- Ровнее. Особенных богачей не было, ну, и бедность не позволялась.
- Не позволялась? Как же это?

- Такой закон был.
- Умный народ...

Женщина спрашивает:

- А сказывается - христиане бедные были?
- Это - после.
- После чего?
- После турецкого разорения. Как турки Царьград забрали, тут пошло разорение... разорился весь народ и принял нашу веру...
- Ага! Так-так-так...

Веселый женский голос крикнул:

- Смотрите-ко, - кого это Гушин везет?

По улице шагала пегая лошадь, влача за собой разбитую телегу, на телеге сидел пьяненький ломовик Гушин, весело помахивая вожжами, спиной к нему торчал полицейский, а между ними помещался тесовый, окрашенный охрой небольшой гроб.

- Гушин - кого везешь? - спросил голос, рассказывавший о мученике Вонифатии.

Старичок извозчик охотно отозвался:

- Вашего... этого - сиротку...
- Коську?
- Его.
- Неужели - помер?
- А - как же? Живого не схороним, не бойсь!

Телега проехала. Откуда-то выскочил Буян, понюхал землю, фыркнул и, поджав хвост, скрылся в щель забора. Мальчишка кричал:

- Братцы - это Коську
- Н-да-а, - говорили у мальчонко...
- А ведь смиренный был!..
- Больница!..
- Туда - только попади, а уж на кладбище они сами отвезут...
- Дешевы люди...
- Им что, докторам? Им бы жалованье в срок получить...

И снова раздался мерный голос:

- А то еще есть житие Кирика-Улиты...

Солнце скрылось, красные отсветы в стеклах поблекли, и потемнела бесконечная голубая печаль небес.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Зрители. Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!